

На сей раз ангелы оказались в погонах

Плотный круг народа у пригородных касс не давал возможности разглядеть, что же там, в центре этого круга, происходит — разве что на некотором возвышении вояса надвух щек и бил в барабаны духовой оркестр, состоящий исключительно из милиционеров.

Впрочем, когда речи при открытии памятника Веничке, герою бессмертной поэмы "Москва — Петушки", закончились и памятник наконец предстал перед нашим взором, все стало ясно: Веничка был не выше обыкновенного человеческого роста, посему столь легко поначалу и затерялся в толпе.

Действо было приурочено к дню рождения Венедикта Ерофеева, имеющего место быть 24 октября. Особо приглашенную публику милиционеры пропускали на платформу, откуда отправлялась спецэлектричка до станции "Петушки".

Улыбающиеся молодые люди разливали всем желающим (то есть практически всем) довольно мерзковатый, но зато ностальгический напиток под названием "Сахна". Господи, как же это можно было употреблять в целях получения удовольствия?! Но именно "Сахна" сыграла роль "волшебной палочки", переносившей участников "благотворительного марафона" в честь 60-летия Венедикта Ерофеева в иное, сновидческое измерение.

МОСКВА — ПЕТУШКИ

И вправду, Веничке Ерофееву такое могло только присниться.

Поначалу пронесли по вагонам, раздавая участникам электро-

пробега, отечественный фруктовый йогурт с мистической надписью "777" и акцизной маркой. Да, в йогуртовых баночках оказался тот самый знаменитый портвейн нашей юности.

Поезд шел без остановок, с каждым километром градус набирал высоту. Но после йогуртов коммунизм кончился, хотя цены оказались вполне доступными. Закусочный набор (черный хлеб, докторская колбаса, вареное яйцо, соленый огурец, сыр плавленый "Волна") — 12 рублей. "Столичная" и "Перцовка" — 27 рублей. "Старка" — на 3 рубля дороже.

Окружающее, понятное дело, постепенно приобретало все более фантастические очертания. Особое удовольствие процессу питания придавало благорасположенное присутствие стражей порядка, время от времени гуськом во главе с капитаном дефилирующих по составу.

Конечно, к одному "употреблению" все не сводилось. По вагонам ходили и пели специально подготовленные граждане, изображающие известную сцену "Мы сами люди не местные". Пели и не без удовольствия музицировали и другие, более знаменитые.

В одном из вагонов сконцентрировалась уйма музыкантов: группы "Несчастный случай", "Ногу свело", "Бахит-Компот" и др. Но прижизненная слава рок-кумиров совсем не мешала публике относиться к ним вполне демократично. Так, запомнился случайно услышанный разговор двух представителей молодежной газеты. Фотограф, кивая на лидера "Ногу свело", прямо-таки требовал у своего коллеги взять интервью у Максима Покровского.

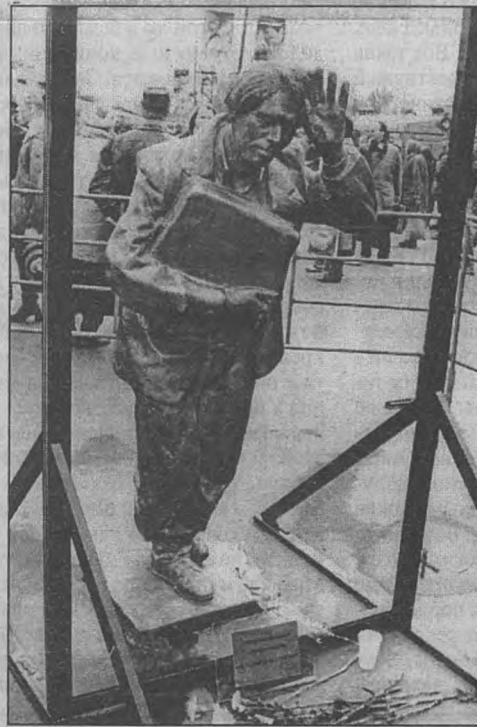
На что расслабившийся журналист ответил сколь беззлбно, столь и лаконично: "Да пошел он...!" Была в поезде и своя дама с собачкой.

ПЕТУШКИ

Приехавшая пьяная электричка была встречаема чуть ли не всем населением города. Как и полагается, были речи. Телеоператоры и дети, словно птицы, сидели на деревьях. Все шло к открытию памятника той самой девушке с косой, к которой стремился в книге Веничка. Однако выяснилось, что место памятника не на площади, а на платформе 2-го пути. Девушку изваял тот же скульптор Валерий Кузнецов вполне соразмерной оставшемуся на Курском вокзале Веничке. "У нас в Петушках и по красивее девушки имеются", — похвастался мэр Петушков, всматриваясь в черты лица "рыжей искусительницы".

ПЕТУШКИ — МОСКВА. ДАЛЕЕ — ВЕЗДЕ

Помахивая друг другу, пассажиры агитпоезда и петушковцы расставались почти как родственники.

Александр КАРЗАНОВ

Игорь КУЗНЕЦОВ

В метро, правда, пустили не всех. Веничку бы наверняка не пустили. Даже если бы он держал в руках юбилейное издание своей главной поэмы.

Сон кончался.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Закусывая Ерофеевым

В 60-ю годовщину Венедикта Ерофеева, великого русского трагического писателя, по ТВ прошел 10-часовой "благотворительный телемарафон" его памяти (производство телекомпания "Соти"). Перед началом в студии состоялся любопытный диалог между Юрием Любимовым и неким Сашей, представленным зрителям как критик.

Саша. А вот почему первыми сняли фильм о Ерофееве англичане?

Любимов (уже раздраженный атмосферой идиотизма в студии). Потому что англичане умнее нас и первыми узнают про наших гениев.

Спасибо, Юрий Петрович! Получается, что из всех англичан я самый умный. Потому как на два года раньше англичанин снял большой (1 час 40 минут) и весьма известный фильм о Ерофееве "Веня, или Как пьют и умирают в России" с единственным в природе большим интервью Венедикта Ерофеева.

Дело не в моих обидах. Речь идет о памяти моего великого друга, а не просто собутельника. Амбициозный проект с телемарафоном стал, мягко говоря, полным провалом. Да, разные и хо-

рошие артисты на фоне компьютерной электрички и граю т отрывки из великой книги. Играют, а не читают. И это тоже ошибка. Потому, что это ТВ, а не театр. Увы, калейдоскоп актеров разрывает лиризм героя, играет именно спектакль — истово, по советски. А ведь стиль Ерофеева — не стиль жирной патетики и иронических хохм, это стиль высокого лирического абсурда, лимерика, оксюморона, нонсенса, как бы бессмыслицы. А почти все актеры играют "психологически" — один Куравлев, кажется, был приятным исключением. Показали и упомянутое английское кино про Ерофеева. Очень хорошая камера, качественная пленка, свет, компьютерная графика, деньги, возможность снять Иосифа Бродского, шикарные монтажные возможности. И концепция: русские — свиньи, Ерофеев — как бы и не писатель вовсе — агрессивный психопат, беспрерывно пьющий в кадре, без мата ни секунды. (Англичанин использовал день рождения Вени — понятно, да? К концу вечера он был уже не полностью адекватен, а ему бесконечно подсовывали водку в кадр, не в силах отказать провокатору — мерзость!). Тайное презрение, смакование тяже-

лого опьянения смертельно больного человека, матерные фразы, без конца повторяемые, — вот суть фильма. Для усиления эффекта омерзительности режиссер использовал агрессивный ракурс съемки Ерофеева — очень низу.

Не исследование души и смысла творчества писателя, а медицинский диагноз некротизации, беседа с врачами — провокационный фильм про алкоголика из пещерной страны — "не мог щадить он нашей славы"... еще один кинодантист!

Мне скажут: в тебе кипит уязвленное авторское самолюбие, потому как английское кино показало полностью, а из твоего — два фрагмента.

Это боль кипит. За Ерофеева. Мой фильм был снят за копейки дешевой любительской камерой (лучшие кадры сняты замечательным оператором В. Ефимовым бесплатно!), смонтирован без пульта, озвучен за два часа. Но этот фильм, исполненный любви к писателю и к нашей несчастной стране, куплен худшей телекомпанией НТВ и показан в рубрике "Кино не для всех". Не буду говорить о том, сколько премий он получил и какие восторги вызывал.

Ни авторы передачи, ни ее ведущая, судя по всему, этого не знали. Они угрюмо молчали, когда Любимов спросил, что это за фильм, "из которого я видел за-

мечательный кусок, где Ерофеев так одинок на Красной площади". Еще бы, ведь надо было оправдать показ именно английского фильма.

Но марафон продолжался. Унылые допросы учительницы-ведущей, натужные дурачества, совковое наигранное бодрчество, милицкий оркестр, играющий какую-то развеселую дребедень (как бы в насмешку над любимой музыкой Ерофеева — Малером, русскими народными песнями, Сибелиусом, Шостаковичем...). Какие-то скачки на ипподроме якобы в честь Ерофеева, набег в Петушки, обкомовские речи спонсоров, коктейль из пьяной светской тусовки, рекламы, бесконечные электрички, опухшие лица ди-джеев и ди-джеек, какие-то побасенки рок-смаков про то, чем они закусывают. Да Ерофеевым вы закусываете, господа, свою сивуху! Колеса, крики, клипы, стаканы, заставки — все это невнятно, кромешно, без царя в голове, без объединяющей идеи — в общем, дурной, страшный сон.

При чем здесь писатель Ерофеев и его великая трагическая книга? Его жизнь изгой и вечного беженца от армии и милиции, его великая поэма о погибающей России стали поводом для бессмысленных аттракционов, дилетантского халтурного бреда, сивухной попой.

Разумеется, за десять часов марафона в кадр попали замечательные люди — выделю того же Любимова, Ольгу Седякову, сестру Ерофеева Нину Васильевну, — но они потонули в море суеты и пошлости.

Поэма "Москва — Петушки", из которой мы все вышли, — это последняя "Шинель" Гоголя, последний миф великой русской литературы, а не коктейль "сучий потрох". Трагический эликсир.

Но в принципе, с грустной усмешкой предупреждал Веня, в конце концов любой коктейль можно спасти, если помешивать его с любовью и вкусом, — коротко, веткой жимолости.

Вот с этим в марафоне была главная напряженка. Если, конечно, не считать веткой жимолости ведущую Ольгу Кучкину.

Олег ОСЕТИНСКИЙ